

ТРУДЫ И ДНИ НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВИЧА УСПЕНСКОГО

(ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА)

Доктор церковной истории и кандидат искусствоведения, заслуженный профессор Санктпетербургской духовной академии; почетный член Московской духовной академии, почетный доктор Фессалоникского университета имени Аристотеля, Православной духовной семинарии и академии св. Владимира в Нью-Йорке и Белградского университета; кавалер Орденов Русской Православной Церкви: святого равноапостольного великого князя Владимира II и III степеней и преподобного Сергия Радонежского I и II степеней, кавалер Ордена Офицера Святого Гроба (Иерусалимского Патриархата), Ордена свв. Первоверховных Апостолов Петра и Павла (Антиохийского Патриархата), Ордена св. Апостола Андрея Первозванного (Константинопольского Патриархата), Ордена Румынского Патриарха II степени, Ордена равноапостольной Марии Магdalины (Варшавского Патриархата), а также кавалер Ордена Великой Отечественной Войны I степени **Николай Дмитриевич Успенский** родился 3/15 января 1900 в погосте Поля Демянского уезда Новгородской губернии.

Его отец, священник Димитрий Алексеевич Успенский, происходил из священнического рода, мать, Лидия Петровна Монастырѣва, – из обедневшего дворянского рода. В семье о. Димитрия было шесть детей: Димитрий, Лидия, Николай, Вера, Екатерина и Серафим.

Протоиерей Димитрий Успенский начал свое служение в Церкви в мае 1896 г. Сначала семья жила в погосте Поля, потом (вскоре после рождения Николая) – в поселке Окуловка, где о. Димитрий был настоятелем церкви свт. Николая Чудотворца. При церкви он построил богадельню. На духовном попечении прот. Димитрия находилось 20 деревень. В администрации уезда удивлялись, что во всех этих деревнях мужики никогда ни на кого не жаловались, ни с кем не судились. Все спорные вопросы решал настоятель. Браки заключали только по его благословению. Он был поистине *добрым паст ырем*. любил своих пасомых, и они отвечали ему тем же. Его авторитет был чрезвычайно высок и непререкаем. Без совета и благословения любимого батюшки ничего существенного и важного не начинали и не делали.

Мать Николая Дмитриевича закончила гимназию в Новгороде. В Полях, пока позволяли семейные обстоятельства, преподавала русский язык в церковно-приходской школе. Кроме этого она, самостоятельно изучив основы врачебного искусства, по мере сил, занималась лечением крестьян из всех деревень, окормляемых о. Димитрием. Все необходимые при этом лекарства она сначала закупала на свои средства, потом ей в этом служении много помогали местные помещики.

Маленький Коля рос и воспитывался в семье, все члены которой были чрезвычайно одарены музыкально. Его дед по отцу, Алексей Иванович, в течение многих лет был певчим Новгородского Софийского собора. У него был редкого тембра лирический тенор, сохранившийся до глубокой старости. Отец Димитрий также отличался неза-

урядными музыкальными способностями: учась во втором классе духовной семинарии, он управлял семинарским хором, а также любительским симфоническим оркестром семинарии, был хорошим скрипачом. Получив приход в далеком погосте, он организовал клиросный хор из крестьян. Такой же хор был им создан и при церкви в Окуловке. Мастерство своего хора он сумел довести до такой степени совершенства, что за богослужением звучали некоторые песнопения Д. С. Бортнянского, протоиерея П. Турчанинова, А. Архангельского. Коля любил бывать на спевках, после которых дома за ужином с удивительным владением детским голосом и замечательным артистизмом показывал, как некоторые певчие исполняли свои партии.

Матушка Лидия тоже была очень музыкальна: прекрасно пела и играла на гитаре и на маленькой гармонике – концертине. Всем своим талантливым детям она привила любовь к музыке. Все они умели петь и с необычайной легкостью осваивали самые разные музыкальные инструменты. (Но самой музыкальной в семье считалась Вера Дмитриевна: она с детства замечательно играла на фортепиано.) Иногда силами домашнего оркестра устраивали целые концерты, привлекая к участию в них музыкально одаренных крестьян. Сына Колю в детстве отец научил хорошо играть на скрипке.

С самого раннего детства Николай Дмитриевич всем сердцем полюбил богослужения, совершавшиеся в простоте и безыскусности сельского храма, пение и молитвы, одухотворенные теплотой и искренностью простонародного благочестия. Сестра Лидия Дмитриевна рассказывала: в детстве всей семьей утром и вечером вставали на молитву. Как только Коля начал говорить, и его научили молиться. Он творчески подошел к делу и стал молиться так: «Боженька, спаси папу, маму, Лику (*сестру Лидию*), Мику (*их собаку*)...» Мать останавливала: «Коленька, Мику не надо поминать, не надо. Начинай снова». Коля опять: «Боженька, спаси папу, маму, Лику **и Мику**...». И сколько ни останавливала, как ни уговаривала мама не молиться о спасении четвероногого друга, сын всё твердил свое. Наконец о. Димитрий сказал: «Лида, оставь его, пусть молится, как знает».

Так уже в раннем детстве у Николая Дмитриевича проявлялась важная черта характера: спокойная, уверенная твердость в отстаивании своих принципиальных убеждений, от которых он за всю свою долгую жизнь не отрекся ни единожды, даже в самых критических обстоятельствах.

Начальное образование отрок Николай получил в земской школе, а в 1909 г. его отдали в четырехгодичное духовное училище в Старой Руссе. На вступительных испытаниях он сразу обратил на себя внимание твердым знанием осмогласных напевов: свободно пел «*Господи воззвах*», «*Бог Господь*», воскресный тропарь и первый ирмос канона любого гласа. Его зачислили в училищный церковный хор, где он вскоре стал ведущим в партии дисканта.

Окончив училище в 1914 г. он в августе того же года поступил в духовную семинарию в Новгороде. Во время обучения пел на клиросе Софийского Новгородского собора (у него к тому времени уже сформировался прекрасный певческий голос).

В учебных духовных заведениях Новгородской епархии к вопросам обучения богослужебному пению относились с особым вниманием, благодаря, прежде всего, трудам и заботам архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого) – большого знатока и любителя древних распевов Русской Церкви, ревнителя благочестия и благолепия в храмовом пении. Так в требования училищной программы входило обязательное знание главнейших жанров знаменного октоиха: догматиков, ирмосов, степенн, прокимнов, блаженн. Воскресные песнопения необходимо было знать наизусть, остальные петь по квадратной ноте синодальных сборников. Воспитанники

семинарии изучали, кроме того, знаменную столповую нотацию, и умели петь те же песнопения по старообрядческим печатным книгам (это было особенно важно также в связи с тем, что в Новгородской губернии в то время было много старообрядцев).

В конце апреля 1918 г. Новгородская духовная семинария в числе всех учебных духовных заведений в Советской России была закрыта. Семинаристу Николаю Успенскому было выдано свидетельство в том, что он закончил 4 класса семинарии и переведен в 5-й класс по 2-му разряду.

Не имея возможности продолжать богословское образование, молодой Николай Дмитриевич некоторое время (1918–1920) служил псаломщиком и регентом при церкви свт. Николая Чудотворца в Окуловке, а также работал паровозным кочегаром в депо Окуловка Октябрьской железной дороги (1918–1919). В 1920 г. был призван в ряды рабоче-крестьянской Красной армии, где прослужил всю гражданскую войну, до 1922 г. в звании рядового.

Во время службы в 16 особом кавалерийском дивизионе Николай Дмитриевич неудачно упал с лошади и получил серьезное увечье кисти (с тех пор он плохо владел безымянным пальцем левой руки). Его направили на лечение в 95 полевой госпиталь. Там он, поправившись, продолжал воинскую службу в отделении медицинского снабжения. Поскольку он хорошо знал латинский язык по курсу духовной семинарии, ему было поручено составлять реестры необходимых лекарств. Врачи госпиталя, оценив меру его ответственности, добросовестности и аккуратности, а также то, как легко он осваивает специальную медицинскую терминологию, настоятельно советовали ему после демобилизации поступать учиться в Петроградскую Военно-медицинскую академию, обещая рекомендательные письма и всяческую поддержку. Тогда Николай Дмитриевич не однажды всерьез задумывался и колебался в выборе дальнейшего профессионального пути: не медицина ли в действительности его призвание?

И все же почти сразу после демобилизации, в 1922 г., он поступил в открытый два года назад **Петроградский Богословский институт**. Профессорско-преподавательский состав института был утвержден Святейшим Патриархом Московским и всея России Тихоном. Это были лучшие из лучших представителей русской школы высшего духовного и светского образования России, среди которых – профессора А. И. Бриллиантов, Н. Н. Глубоковский, И. А. Карабинов, магистр богословия П. П. Мироносицкий, протоиерей Н. К. Чуков (позже – митрополит Ленинградский Григорий), академик Б. А. Тураев, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. С. Безобразов. Но уже в мае следующего, 1923, года институт был закрыт: Николай Дмитриевич не успел написать сочинение на степень кандидата богословия и защитить его.

Учась в институте, в 1922–1923 гг. он работал надзирателем в Ленинградском центральном распределителе дефективных несовершеннолетних детей, где учительствовала сестра Лидия. Занимаясь с детьми музыкой, Николай Дмитриевич пытался восстановить навыки игры на скрипке, но увечье кисти левой руки было слишком серьезным для этого. Тогда он переключился на ударные инструменты, и с 1923 года [по 1928] работал в оркестрах кинотеатров Ленинграда «Две маски» (позднее – «Правда»), «Аврора», «Межрабпомфильм», «Молния» и других.

Осенью 1923 Николай Дмитриевич, вернувшись из Окуловки в Петроград, решил посоветоваться с профессорами бывшего Богословского института по вопросу избрания темы кандидатской диссертации. Некоторые из них продолжали преподавательскую деятельность на Богословских курсах во 2-м городском благочинии. Николая Дмитриевича тогда интересовали *история религий, история древней церкви, библейская*

археология, а также *апологетика* как весьма актуальная наука для времени государственной политики агрессивного безбожия.

Литургика как область научного исследования его внимание тогда не привлекала. Он считал, что по существу это – прикладная «церковно-практическая» дисциплина, в которой последнее слово науки уже сказано, где хорошее знание предмета предполагает только твердую (а лучше – «назубок») выучку порядка совершения богослужений и текстов молитвословий. Другими словами – скучный синтез ритуалистики и рубрицистики. И та безотчетная любовь к церковным службам, сохранившаяся в глубине сердца с раннего детства, теперь почти никак не соотносилась с сухостью ритуальных схем и чинопоследований, освоенных в семинарии и институте. Во многом все это оставалось глубоко не осмысленным и непонятым, а в богословском отношении изобиловало вынужденными и «притянутыми за уши» объяснениями, которые чаще мешали, чем помогали уяснить смысл и познать красоту древнего обряда.

«В тот день, когда я пришел вечером на Богословские курсы – вспоминал 35 лет спустя Николай Дмитриевич, – здесь были уроки по церковному пению, а затем – лекция по литургики. Я остался на урок пения, а когда после урока задержался в аудитории разговором с знакомыми, то в это время вошел преподаватель литургики. Сразу же последовало обычное перед уроками чтение дежурным слушателем молитвы и началась лекция. Мне уже неудобно было покинуть аудиторию. Преподаватель, весьма пожилой мужчина, брюнет, с седеющей бородой, одетый в черное, полинявшее от времени пальто (в аудитории было довольно прохладно, и некоторые слушатели тоже были в пальто). Своим внешним видом он напоминал мне скорее провинциального учителя, чем петроградского профессора. Но лекцию читал он, что называлось на языке студентов, «с огоньком», и этим «огоньком» зажигал интерес у своих слушателей. Это был Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Он излагал историю вечерни Великой Пятницы с ее обрядом выноса Плащаницы. Я хорошо знал эту службу и по учебникам литургики и практически, и мне в голову не приходило, что между Типиконом и общепринятой практикой совершения этой службы так много несоответствия и недоговоренности.

Потом я посетил еще несколько лекций Алексея Афанасьевича, на которых он продолжал обзор истории служб Страстной седмицы – богослужения утрени и Литургии Великой Субботы. В этих лекциях Алексей Афанасьевич излагал историю чинопоследований и ярко раскрывал смысл и красоту песнопений и обрядов. Эти лекции оказались решающими в моих размышлениях о предмете кандидатского сочинения. Выбор был сделан»¹.

Николай Дмитриевич обратился к А. А. Дмитриевскому с просьбой дать тему для диссертации. Но вместо названия темы, даже приблизительного, Алексей Афанасьевич вручил молодому человеку для внимательного прочтения две своих книги: «Путешествие по Востоку и его научные результаты...» и «Древнейшие патриаршие Типиконы...». Обе книги, добросовестно проштудированные Николаем Дмитриевичем, в отличие от лекций профессора, не произвели на него благоприятного впечатления. «Они как-то смутили меня и даже насторожили – *вспоминал он*, – потому что в некоторых случаях сказанное в них шло вразрез с моими религиозными представлениями, которые я считал ортодоксальными.»²

Не без смущения делился своими недоумениями Николай Дмитриевич с автором книг, боясь его обидеть. Однако, вопреки этим опасениям, между ними завязался живая и интересная беседа, продолжившаяся несколько часов, в конце которой Алексей Афа-

¹ Успенский Н. Д., проф. Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском// Богословские труды. М., 1968. Сб. 4. С. 85-86.

² Там же. С. 86.

насьевич, опять-таки уклонившись от формулировки темы, дал Николаю Дмитриевичу еще две книги и велел выписать из них все, касающееся чина всеобщего бдения и описать все различия в сравнении с чинопоследованием, изложенным во 2-й главе нашего печатного Типикона.

В срок, указанный профессором (3 месяца), задание было выполнено и сдано на проверку³. После этого Алексей Афанасьевич сказал, что сделанная работа может составить значительную часть будущего кандидатского сочинения и назвал его тему. Он дал новому ученику порядочное количество книг из своей библиотеки, указал, на что следует обратить особенное внимание и снова установил срок выполнения.

А. А. Дмитриевский осуществлял научное руководство своими учениками с высокой ответственностью. С теплотой и чувством большой признательности Николай Дмитриевич воссоздает облик любимого учителя в воспоминаниях о нем. «Это был не только выдающийся ученый-исследователь и талантливый лектор, но и прекрасный педагог, умевший пробудить у своих учеников любовь к науке и к научному труду. Изучая его личный архив, я прихожу к выводу, что все темы кандидатских сочинений его учеников, не исключая мою, представляли собой зрелый плод его собственных научных наблюдений. Давая тему, он отчетливо представлял себе те результаты, к которым должно было привести то или иное исследование. Начинающих у него работать Алексей Афанасьевич не выпускал из поля зрения, не обрекал их на долгие и порой бесплодные поиски источников, а напротив, всячески ограничивал масштабы поиска, требуя при этом тщательного изучения тех источников, которые сам указывал»⁴.

Через полтора года, весной 1925, Николай Дмитриевич представил учителю готовый текст кандидатской диссертации на тему *«Происхождение чина агрипнии, или всеобщего бдения, и его составные части»*. Вскоре состоялась ее успешная защита, после которой диссертант был удостоен ученой степени кандидата богословия с правом соискания степени магистра богословия.

29 сентября 1925 г. Богословские курсы 2-го городского благочиния были преобразованы в **Высшие Богословские курсы в Ленинграде**. (В числе слушателей курсов были и бывшие студенты Богословского института.) Заведование курсами принял ректор недавно закрытого института профессор–протоиерей Н. К. Чуков, который привлек к чтению лекций некоторых профессоров из корпорации института. Секретарем Совета Высших богословских курсов был назначен кандидат богословия Николай Успенский. По ходатайству своего руководителя, заслуженного профессора А. А. Дмитриевского, молодой ученый был оставлен при кафедре литургики профессорским стипендиатом для научной специализации. Однако это лестное звание ни в коей мере не обеспечивало материальную поддержку. В поисках средств существования Николаю Дмитриевичу приходилось трудиться, поэтому время специализации не было ограничено одногодичным сроком, как в старое время. Он служил регентом хора церкви свт. Николая Чудотворца в Окуловке, куда постоянно ездил к родителям, а также работал переписчиком нот.

Все свободное от работы время Николай Дмитриевич проводил в научных студиях за одним из столов в просторной комнате учителя в коммунальной квартире на первом этаже дома № 10 по Мытнинской улице. «Мой Вениамин» – представлял своим знакомым профессор Дмитриевский Николая Дмитриевича, своего младшего сына от науки. Период его научной специализации под подлинно отеческим водительством

³ Хранится в архиве А. А. Дмитриевского (РНБ, фонд 253, ед. хр. 4 и 11).

⁴ Успенский Н. Д. Указ. соч. С. 87.

Алексея Афанасьевича продлился вплоть до закрытия Высших Богословских курсов в августе 1928 г., а их теплые, дружественные отношения и творческие научные контакты оборвала только внезапная смерть А. А. Дмитриевского в самом начале августа 1929 г. На его отпевание в русско-эстонской церкви Николай Дмитриевич приехал из Окуловки. Прах его покоится на братском монастырском кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры.

Итак Высшие Богословские курсы были закрыты. Научная специализация Николая Дмитриевича в статусе соискателя, таким образом, была прервана, написать магистерскую диссертацию и защитить ее он не успел. Однако интерес к литургике оставался, и в дальнейшем, насколько позволяли обстоятельства, он самостоятельно изучал источники, продолжая начатое под руководством проф. А. А. Дмитриевского фундаментальное исследование чина всенощного бдения.

Закрытие духовных учебных заведений для Н. Д. Успенского означало конец его научной деятельности в области литургики и снова, как десять лет назад, принуждало серьезно задуматься о планах на будущее. И он выбирает с детства горячо любимую музыку. Но без высшего специального образования стать профессиональным музыкантом невозможно, а у него нет даже среднего. В музыкальной школе Николай Дмитриевич не учился: начальную теорию музыки он освоил в духовных школах и на домашних занятиях с отцом. Поэтому он в августе 1928 г. подает документы для поступления в хоровой техникум при Государственной академической капелле. Конкурс был довольно высок: на 6 мест 20 заявлений. Председателем приемной комиссии был руководитель Капеллы и профессор консерватории Михаил Георгиевич Климов. Он сразу обратил внимание на великовозрастного абитуриента. По документам, поданным в комиссию, он понял, *кто* перед ним, и как важно именно теперь помочь ему. Как выпускник Синодального училища церковного пения, М. Г. Климов был прекрасно осведомлен о том, насколько основательно было поставлено преподавание музыки в духовных учебных заведениях. К тому же в серьезности намерений и трудоспособности кандидата богословия сомневаться также не приходилось. И поэтому, несмотря на недописанный диктант, после немногих вопросов на устном экзамене Николай Дмитриевич был принят. Список зачисленных на 1-й курс зачитал абитуриентам заведующий учебной частью А. В. Преображенский⁵.

Полный курс обучения в хоровом техникуме Н. Д. Успенский прошел за три года вместо положенных четырех. В числе его учителей были Палладий Андреевич Богданов (хороведение и дирижирование), М. Г. Климов (полифония и анализ форм), Александр Александрович Егоров. 9 июня 1931 г. он получил свидетельство о среднем музыкальном образовании. Ему была присвоена квалификация дирижера хора и преподавателя хорового пения.

Участь в Капелле, Николай Дмитриевич служит регентом Свято-Троицкого Измайловского, затем Князь-Владимирского соборов. При этом он знакомится с лучшими регентами крупнейших храмов города, регулярно посещает спевки их хоров. Кроме этого, играет в профессиональных симфонических оркестрах, а в последние годы учебы руководит самодеятельными хорами.

В конце 20-х гг. Николай Дмитриевич женился на Наталии Ивановне Шторре. Они были знакомы давно: у ее родителей было поместье в Новгородской губернии. По-

⁵ Машинописная копия воспоминаний Николая Дмитриевича о М. Г. Климове «Об учителе» (10 стр.) хранится у В. Г. Успенской.

селились супруги в коммунальной квартире в доме на Театральной площади, в двух небольших комнатах Наталии Ивановны (Театральная пл., 9/16, кв. 18).

А в середине 20-х гг. о. Дмитрий был арестован и сослан по ложному обвинению в хищении церковных ценностей. (Это был уже второй арест. Впервые его арестовали еще в 1922 г., но вскоре по многочисленным ходатайствам крестьян он был освобожден.) Теперь же зная, что его нынешний статус может повредить детям, он через матушку Лидию запретил писать ему в тюрьму. Однако Наталия Ивановна, всем сердцем скорбя за участь дорогого свекра и желая хоть как-то поддержать и утешить его в заточении, все же послала несколько писем, в которых поздравляла с Рождеством Христовым, с Пасхой. Через несколько месяцев о. Дмитрия снова отпустили, но вскоре была арестована Наталия Ивановна «за связь с врагом народа». Ее осудили на 5 лет ссылки в Иркутский лагерь.

Три года подряд Николай Дмитриевич каждое лето в составе симфонического оркестра ездил в Иркутск на гастроли, где добивался свиданий с женой. Через четыре года (в 1935 г.) Наталия Ивановна была досрочно освобождена «за хорошее поведение и помощь обслуживающему персоналу»: имея небольшой фельдшерский опыт, она помогала работникам лагерной медсанчасти.

Вскоре после ареста жены, осенью 1931, Николая Дмитриевича вызвали в НКВД и потребовали отречься от отца – «врага народа». Он решительно отказался. Тогда его официально лишили *избирательного права* (т. е. конституционного права избирать и быть избранным во все органы народного управления). Но на деле статус «лишенца» означал лишение фактически всех гражданских прав. Но это было еще не все. Всех «лишенцев» отправляли на принудительные ночные работы. Каждый вечер, к 22 часам, необходимо было являться на пункт прикрепления и всю ночь, до 7 утра, трудиться: ремонтировать дороги, трамвайные пути и т. п. При этом за этот тяжелый труд ничего не платили. Кормить «лишенцев» также не полагалось.

Но не «лишенчество» стало последним кругом ада для Николая Дмитриевича... Так как его отец был арестован по обвинению в ограблении Окуловской церкви, то по этому «делу» привлекли и его как соучастника (очевидно в связи с тем, что он несколько лет служил чтецом и регентом под началом своего отца). От него потребовали «сдать награбленное». Сдавать было нечего, и он категорически отверг ложное обвинение. Всех отказавшихся от добровольной сдачи ценностей арестовывали и помещали в «парилку» в одном из многих подвалов т. н. «Большого дома» (Литейный пр., 4). «Парилками» служили небольшие камеры, которые доотказа набивали людьми. Сесть при этом было невозможно. Стояли сутками – пожилые вместе с молодыми. Ноги начинали распухать. Начинались обмороки. Но умирать не давали. Иногда выгоняли в коридор, строили в колонну по одному и командовали: «Гады, садись!» Люди садились друг другу на больные, распухшие ноги. Через несколько минут – команда: «Гады, вставай!». И так несколько раз. Кого-то при этом еще водили на пытки. От всего этого у некоторых начинал мутиться разум. Таких привозили к дверям их квартир, бросали на лестничной площадке, звонили в дверь и уходили...

Николай Дмитриевич, хранимый Богом, ушел домой на своих ногах. (Потом, уже в пожилом возрасте ноги у него очень болели и периодически распухали.) Вскоре он написал в Москву М. И. Калинину письмо с просьбой о снятии статуса «лишенца». В июле 1932 г. ему прислали выписку из протокола заседания Президиума ВЦИК об удовлетворении *ходатайств ва гр. Успенского Н. Д. о восст. ановлении в избирправах*.

Это позволило ему продолжить музыкальное образование, и осенью 1932 г. он решил поступить на историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории.

Однако выяснилось, что к вступительным экзаменам допускаются лица до 30 лет, и только на оркестровый факультет по двум специальностям – туба и ударные инструменты – возрастной ценз повышен до 35 лет. И Николай Дмитриевич поступил на оркестровый факультет, надеясь впоследствии перейти на историко-теоретический. Он посещал лекции на обоих факультетах, и, учась на втором курсе, обратился с просьбой о переводе. В ответ заведующая факультетом (так тогда эта именовалась должность декана) предложила ему сдать все экзамены за первый курс историко-теоретического факультета. Несмотря на то, что все экзамены были сданы на «хорошо» и «отлично», Николаю Дмитриевичу никак не удавалось добиться перевода: под разными предлогами ему отказывали. Тогда он решил обратиться к своему учителю – М. Г. Климову, профессору консерватории. И Михаил Георгиевич во второй раз пришел на помощь своему ученику в критической ситуации: в апреле 1934 г. Н. Д. Успенский был переведен на второй курс историко-теоретического факультета.

Свои воспоминания о М. Г. Климове Николай Дмитриевич заканчивает такими словами: «Сочувствие к несправедливо пострадавшим или обиженным – это присущая каждому нормальному человеку добрая черта характера. Но далеко не все соболезнующие бывают готовы заступиться за попавшего в беду: одни не решаются на это из боязни «нажить неприятности», другие «воздерживаются» из соображений о «чести мундира», а многие спешат отойти подальше в силу своей нравственной инертности, воплощенной в поговорке «моя хата с краю»...

Михаилу Георгиевичу не были присущи ни равнодушие, ни приспособленчество, ни трусость. Смелый, доброжелательный не на словах, а на деле, особенно глубоко воспринимавший тягу людей к искусству, науке – он был подлинным и щедрым просветителем, как в широких масштабах своей художественной и педагогической деятельности, так и в каждом частном случае <...>.

Так и мне, кратко, но счастливо соприкоснувшись с ним, он отдал частицу своего доброго внимания и дара любви к людям, помог преодолеть препятствия на пути в науку. И если, став музыковедом, я внес свой личный вклад в отечественное музыковедение, то этим обязан [щедрости души и высокой нравственности] Михаила Георгиевича Климова».

И еще один человек в те годы стал для Николая Дмитриевича дорогим и любимым учителем. Это был профессор кафедры полифонии Христофор Степанович Кушнарев, с которым у него сложились теплые дружественные отношения. Учась в его классе, студент Успенский сочинил несколько фуг, которые затем представил в качестве дипломной работы. Государственной экзаменационной комиссией они были оценены как высокотворческие сочинения. В июле 1937 г. он окончил полный курс консерватории по специальности *теория музыки (полифония)*.

Во время учебы в консерватории Николай Дмитриевич начинает свою музыкально-педагогическую деятельность. Он преподает теорию музыки на курсах музыкального образования при заводе им. ОГПУ, в Доме художественного воспитания детей Дзержинского района, в Выборгском детском доме культуры. Кроме этого продолжает трудиться в художественной самодеятельности: руководит тремя самодеятельными хорами и двумя оркестрами народных инструментов.

18 мая 1936 г. исполнилось 40 лет священнического служения отца Николая Дмитриевича, протоиерея Димитрия. Незадолго до этой памятной даты Окуловскую церковь закрыли. В архиве Николая Дмитриевича сохранилась фотокарточка отца в полном священническом облачении, в митре, с кадильницей в правой руке и букетом

цветов в левой, **без наперсного креста** (очевидно, вследствие акции по «изъятию церковных ценностей»). А 30 сентября следующего, 1937 года, о. Димитрий был арестован в третий и последний раз. Матушка от горя потеряла рассудок. Она приехала из Окуловки в Ленинград, где к тому времени жили все ее дети, и повторяла только одно: «Батюшку взяли. Пришли и батюшку взяли...» Вскоре психическое состояние Лидии Петровны сильно ухудшилось: пришлось поместить ее в лечебницу, где она и скончалась в августе 1941 г. Ее похоронили на Волковом кладбище.

Очевидно о. Димитрий был приговорен к ссылке в один из южных лагерей ГУ-ЛАГа без права переписки. Никаких вестей от него никогда не приходило. И только в конце 1957 г. в ответ на запрос Николая Дмитриевича прокурору СССР об участии отца ему прислали **Свидетельство о смерти**, выданное Окуловским районным ЗАГСом **25 декабря 1957 г.**, в котором значилось, что *гр[аж данин] Успенский Дмит рий Алексеевич умер 28 декабря 1941 г.* В графе «причина смерти» было указано: *от пелагры.* (Известно, что пелагра – это южный вариант цинги, т. е. авитаминоза и крайнего истощения организма.)

По окончании консерватории Н. Д. Успенский был назначен помощником директора по учебной части и преподаватель музыкально-теоретических предметов на Государственных курсах музыкального образования им. Н. А. Римского-Корсакова. С сентября 1938 г. он также преподает полифонию, гармонию и сольфеджио в музыкальном училище при консерватории, а в 1939 – курс общей полифонии в консерватории (в должности ассистента). Не оставляет также любимую работу в художественной самодеятельности: руководит хором Детского дома культуры Красногвардейского района, работает педагогом на курсах повышения квалификации руководителей ансамблей и в бюро оркестров Управления по делам искусства.

С 1 сентября 1939 Николай Дмитриевич назначается на должность заведующего учебной частью, а через два дня – директором 3-го городского музыкально-педагогического училища (Лиговский пр., 1). После начала Великой Отечественной войны 1941-45 гг. училище продолжало работать. Николай Дмитриевич как директор одновременно являлся начальником отряда противовоздушной обороны (ПВО).

Вечером 2 декабря 1941 во время очередной вражеской бомбардировки он находился в здании училища по улице Некрасова. По сигналу воздушной тревоги он обошел здание, проверяя посты, и вернулся на командный пост – в директорский кабинет. В этот момент в соседнее помещение попала бомба. Николай Дмитриевич почувствовал сильный удар в спину, потом в голову... Очнувшись через три часа, он увидел, что у кабинета нет стены. В больницу его привезли с диагнозом: тяжелая контузия. 20 дней он находился в отделении реанимации, периодически теряя сознание. Затем, после полугодового курса лечения, получил инвалидность II группы.

Только в сентябре 1942 года Николай Дмитриевич нашел в себе силы вернуться к работе. К тому времени 3-е музыкально-педагогическое училище было законсервировано, консерватория и музыкальное училище при консерватории были эвакуированы. Единственным действующим учебным музыкальным заведением в осажденном Ленинграде была детская музыкальная школа Петроградского района, в которой Николай Дмитриевич до мая 1943 г. работал педагогом по теории музыки. Одновременно в 1942-1946 гг. он служил регентом Николо-Богоявленского кафедрального собора.

К этому периоду относится и начало плодотворных творческих контактов Н. Д. Успенского с М. В. Бражниковым. Николай Дмитриевич горячо приветствовал деятельность Максима Викторовича по фундаментальному изучению рукописных источников древнерусского церковного пения. 17 мая 1946 г. на заседании сектора музы-

ки научно-исследовательского института Театра и Музыки состоялся доклад М. В. Бражникова о проблемах изучения памятников нашей древней профессиональной певческой культуры. После доклада состоялось выступление ансамбля из состава хора Николо-Богоявленского собора под управлением Н. Д. Успенского. Было исполнено несколько песнопений знаменного распева XVII в. в нотолинейных переводах М. В. Бражникова. Согласно официальному письму директора института А. В. Оссовского Николаю Дмитриевичу – «исполнение песнопений не только с успехом иллюстрировало положения предшествующего доклада, но возбудило у аудитории непосредственный художественный интерес».

22 ноября 1944 г. по проекту архиепископа Григория (Чукова, будущего митрополита Ленинградского и Новгородского) в Ленинграде были открыты богословско-пастырские курсы. Владыка Григорий, бывший ректор Петроградского богословского института, пригласил Н. Д. Успенского – своего выпускника – для преподавания слушателям курсов Церковного устава.

Не сразу Николай Дмитриевич принял это высокое приглашение... На всю жизнь в его память глубоко впечатались мельчайшие подробности всех ужасов тридцатых годов: и ночной арест жены, и «лишенчество» с ночными работами, и бесконечные унижительные допросы, и ад «парилки», и три холодных лета на Иркутских сопках, и безумные крики матери... Но он всегда твердо верил: жив Господь, спасающий и сохраняющий Своих детей, доверившихся Ему! И эта его вера в живого Бога и в самые страшные дни и минуты ни разу не поколебалась. Впрочем, точнее сказать: он ни разу не позволил ей поколебаться. Поэтому когда митрополит Григорий сказал ему «Вы нужны Христовой Церкви здесь, в России, сегодня,» то Николай Дмитриевич воспринял его слова как голос Самого Христа, Который призывал его на служение. Он понял, что тогда Господь спас и сохранил его, а теперь Он же *просит* послужить Его Церкви. И Николай Дмитриевич уже без сомнений ответил: «ИДУ»!

А в сентябре 1946 открылись Ленинградские духовные школы. Определением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I кандидат богословия Н. Д. Успенский был утвержден в должности доцента по кафедре литургики Ленинградской духовной академии с возложением обязанностей преподавателя того же предмета и Церковного устава в духовной семинарии. 12 июня следующего, 1947-го, года решением Аттестационной комиссии Учебного комитета при Священном Синоде он был удостоен звания профессора Ленинградской духовной академии.

Еще в 1939 г., когда Н. Д. Успенский в должности ассистента преподавал курс общей полифонии в консерватории, проф. Х. С. Кушнарев как-то заговорил с ним о теме для кандидатской диссертации. Николая Дмитриевича всегда и неизменно восхищал гений и мастерство И. С. Баха. И он ответил, что мог бы заняться изучением истоков полифонии великого мастера свободного стиля. «Дивлюсь я вам, русским! – с улыбкой возразил на это Христофор Степанович. – Моя родина – маленькая Армения, и мы, армяне, очень любим свою музыкальную культуру: все силы отдаем ее изучению. А у вас – непочатый край работы, а вам все бы немцев изучать... Займитесь лучше своей, русской народной полифонией!»

Так, по совету учителя, Николай Дмитриевич начал работу над вторым своим кандидатским сочинением. Из всего неохватного великолепия сокровищ народно-песенного искусства он выбрал хорошо знакомые с детства и дорогие сердцу напевы родной Новгородской земли. «...Мои предки по отцовской линии – белозеры, и в детские годы в родительском доме я сам слушал тамошних сказителей былин и песельни-

ков. Мне в этом отношении русский Север ближе, чем какой-либо другой район страны...»⁶ – так Николай Дмитриевич обосновывал субъективную причину выбора предмета исследования.

28 декабря 1946 г. в Ленинградской консерватории состоялась защита кандидатской диссертации Н. Д. Успенского «*Лады русского Севера*», на основании которой ему была присвоена ученая степень кандидата искусствоведения.

А через два с половиной года, 22 июня 1949 г., в актовом зале Духовной академии Николай Дмитриевич выступил с публичной защитой диссертации «*Чин всеобщего бдения в греческой и Русской Церкви*», после чего последовало присвоение ему ученой степени магистра богословия.

В 1947/48 учебном году он снова в консерватории прочел курс лекций по общей полифонии, а с 1 сентября 1949 был зачислен штатным преподавателем на кафедру теории музыки. (При этом в листке по учету кадров, в графе «Работа по совместительству» он указал, что состоит в должности профессора Ленинградской духовной академии.) Ему было поручено преподавание сольфеджио на вокальном, оркестровом и хореографическом, а также полифонии на теоретико-композиторском, дирижерско-хоровом и военно-морском факультетах.

К своей педагогической работе Николай Дмитриевич относился весьма добросовестно и ответственно, за что ему неоднократно объявлялась благодарность с внесением в трудовую книжку. Он очень любил учить, что для него означало не *поучат ь*, а *научат ь*, то есть быть заботливым и внимательным наставником, щедро делаясь своими обширными познаниями и многолетним научным и творческим опытом. Особенное удовольствие ему доставляло преподавание на военно-морском факультете, где его очень любили и даже подарили парадную военную форму, которую Николай Дмитриевич иногда с удовольствием надевал. Большинство студентов и коллег относились к нему с глубоким и искренним почтением. Многие знали, что он по совместительству преподает также в Духовной академии, и часто обращались к нему за консультациями и с вопросами, причем не только по церковному пению... Но Николай Дмитриевич, чувствуя огромную ответственность не столько за себя, сколько за любимую жену, Наталию Ивановну, которая до конца своих дней так и не смогла вполне оправиться от ужасов ГУЛАГа, всегда деликатно, но твердо отклонял все разговоры, не относящиеся к его обязанностям преподавателя консерватории.

С конца 40-х гг. Н. Д. Успенский начал систематическое изучение древнерусского церковного пения. В сферу своих научных интересов он включил сразу несколько аспектов: генезис, пути развития, стили, систему осмогласия, музыкальную палеографию, методику освоения искусства знаменного пения. В 1948 г. он выступил на заседании кафедры полифонии с докладом «К вопросу изучения профессиональной полифонии по памятникам XVII–XVIII столетий», а в 1950 – с докладом «Знаменный распев как продукт древнерусского профессионального искусства». Так было положено начало его фундаментального исследования об истории древнерусского богослужебного пения.

К концу 1953 г. был написан и представлен на рассмотрение на кафедру теории музыки текст его докторской диссертации на тему «Профессиональная музыка Руси до XVII века». Как историк и литургист, Николай Дмитриевич все основные вопросы истории, теории и практики богослужебного пения рассматривал и решал в их естественной и закономерной связи с самим богослужением, так как почти всегда именно литур-

⁶ Успенский Н. Лады русского Севера. М.: Советский композитор, 1973. С. 6.

гические особенности ритуала определяли содержание и характер его песнопений. Именно эта принципиальная исследовательская позиция вызвала решительный протест некоторых ученых мужей консерватории. Вот строки из официального отзыва о диссертации: «После всестороннего обсуждения указанной работы (при участии членов кафедры марксизма-ленинизма и истории музыки), кафедра [теории музыки] пришла к заключению, что при наличии в рукописи ценных разделов, относящихся к истории крюкового и кондакарного церковного пения, работа в целом страдает крупными методологическими недостатками и не может быть принята к защите».

Но это дело не кончилось. Нашлись люди, которые попытались, разыграв практически беспроектную по тем временам карту несовместимости двух идеологий, быстро соорудить из этой ситуации очередную ступеньку для своей карьерной лестницы. Материал подвернулся самый подходящий, осталось с помощью демагогических обвинений в «пропаганде церковщины» раздуть «бурю народного негодования».

Инициатива в основном принадлежала доктору искусствоведения, профессору А. К. Буцкому, мечтавшему тогда о должности декана теоретико-композиторского факультета. Было устроено очередное «общее собрание коллектива», на котором Буцкой выступил с пламенной речью об опасной идеологической тенденции в направлении научной деятельности преподавателя Н. Д. Успенского и о необходимости в связи с этим быть бдительными. «Чем занимается в советской консерватории Успенский?» – с пафосом вопрошал он, и немедленно отвечал: «Церковщину поднимает!» Вслед за ним взял слово тогдашний директор консерватории Г. В. Брюшков. Его крайне возмутило социальное происхождение Николая Дмитриевича: «Что пишет в своей анкете гражданин Успенский: сословие родителей – духовное, отец – служитель культа, священник!..» В конце концов собрание пришло к «общему мнению» о недопустимости внедрения вредоносной идеалистической идеологии в здоровое сознание молодых советских музыкантов. Преподавателю Н. Д. Успенскому было предъявлено категорическое требование публично «покаяться и отречься», а также оставить работу в Духовной академии как несовместимую с преподаванием в советском ВУЗе...

Тогда Николай Дмитриевич решил тихо уйти, оставив поле этого недостойного сражения за буцкими и брюшковыми. Но уходить «по собственному желанию» – в то время как ни малейшего «собственного» желания бросать любимое дело он не испытывал! – означало бы лгать и лицемерить, уподобляясь своим гонителям... И он пишет заявление со следующей мотивировкой: «в связи с обострением моей сердечной болезни». И это было правдой: чуткое и легко ранимое от природы, изъязвленное увечьями двух войн, бесконечных скорбей, лишений и утрат, сердце Николая Дмитриевича уже едва выдерживало все усиливающийся натиск лжи и умело разработанный режим травли административных тузов, вдохновляемых некоторыми «коллегами»... И 11 сентября 1954 г. Николай Дмитриевич с глубоким сожалением оставил преподавание в консерватории.

После ухода из консерватории Николай Дмитриевич всецело посвятил себя административно-преподавательской деятельности в духовных школах, оставаясь до конца дней бессменным заведующим кафедрой церковно-практических наук (впоследствии – литургики). В этой должности своей первоочередной задачей он считал «координирование учебной работы преподавателей смежных предметов: литургики и [церковно]славянского языка, [литургики и церковного] пения, литургики и практического руководства [по совершению богослужения]. Мне самому – писал он – как преподавателю литургики приходится иногда сталкиваться со слабым знанием учащимися славянского языка, когда семинаристы с трудом читают по-славянски, а также с плохой подготовкой

по [церковному] пению. В самом деле, если семинарист выучит наизусть, что по уставу положено петь стихиры «на шесть» на такой-то глас, а сам их пропеть и даже правильно прочитать не сможет, то какая польза от такого знания церковного устава?<...> Я понимаю, что работа это трудная: многие учащиеся приходят в семинарию абсолютно не зная ни [церковно]славянского языка, ни церковного пения, но работать в данном направлении необходимо...»⁷.

Для того, чтобы правильно понять и оценить позицию Николая Дмитриевича в этом и других вопросах по организации учебного процесса в академии и семинарии, нужно иметь в виду, что суть негласной тактики советского государства по отношению к духовному образованию сводилась к следующему: *не допускать в духовные учебные заведения талантливую и образованную молодежь*, и напротив – всячески способствовать поступлению малоспособных и малограмотных лентяев, мечтающих только о «хлебных местечках» и ‘*гарних парафіях*’. Так уже на уровне возрастания и подготовки священнослужителей Русской Православной Церкви осуществлялась государственная стратегия их дискредитации. И конечно же Николай Дмитриевич – предельно ответственный и добросовестный в исполнении возложенной на него Церковью миссией по просвещению и образованию ее будущих служителей – ни за что не хотел мириться с таким положением вещей. И он, сам учившийся до седых волос и уже на седьмом десятке изучавший разговорный английский язык, всякий раз был решителен и тверд в отстаивании своих педагогических принципов, даже если подчас оставался в меньшинстве или полном одиночестве и непонимании коллег по корпорации. Следует отметить, тем не менее, что все правящие архиереи Ленинградской епархии, у которых духовное образование и воспитание будущих пастырей Церкви было предметом особой заботы, всегда прислушивались к обоснованному и ясно выраженному мнению Николая Дмитриевича и поддерживали его на заседаниях Ученого совета.

Но несмотря на все усилия отдела по делам религий в духовной академии и семинарии были и такие студенты и воспитанники, кто тянулся к знаниям, для кого свет научной истины был отражением сияния Солнца Правды – Христа. И для таких встреча с профессором Н. Д. Успенским была важнейшим жизненным событием, а подчас – поворотным в их дальнейшей судьбе. Николай Дмитриевич был одним из тех наставников от Бога, которые воспринимают своих учеников *не как сосуды, кот орые надо наполнить, а как факелы, кот орые нужно зажечь*. Вот как один из них характеризует своего любимого наставника.

«Лекции Николая Дмитриевича, которые он читает студентам академии, всегда интересны. Его громкий голос, немного протяжный и спокойный говор уверенного в себе, своих знаниях человека с добрым, благожелательным взглядом сразу привлекают внимание, а содержательное, интересное изложение предмета окончательно покоряет слушателя. Студент всегда почерпнет из его лекции что-то новое, неожиданное, чего он раньше не знал. Это хорошо знают и все те, кто когда-либо обращался к нему за разъяснениями всевозможных литургических вопросов. Его необычайная осведомленность, прекрасное знание источников, которые он свободно цитирует по памяти, поражают всякого.

Методика преподавания Николая Дмитриевича предполагает научный рост студентов. Он не сторонник метода построения академических лекций по принципу простого расширения только что пройденного семинарского курса. Он избирает одну большую тему и в течение всего учебного года достаточно подробно излагает ее на основании всестороннего и тщательного анализа источников. Тем самым он прививает

⁷ [Служебная записка] проф. Н. Д. Успенского, архив В. Г. Успенской.

студентам навык научного мышления, учит грамотно работать, чтобы в дальнейшем они умели самостоятельно, обращаясь к источникам, разбираться в том или ином вопросе»⁸.

Таким образом, и в своей преподавательской деятельности Николай Дмитриевич явился наследником традиций А. А. Дмитриевского. Это становится очевидным при сопоставлении приведенной выше характеристики с воспоминаниями Николая Дмитриевича о своем учителе.

Именно историческая литургика становится для Н. Д. Успенского приоритетным исследовательским направлением в его дальнейшей научной работе. Последний ученик и по существу единственный преемник отца русской литургической школы новейшего времени А. А. Дмитриевского, *русского Гоара*, рассмотрение и решение всякого научного вопроса он, как и его незабвенный учитель, всегда начинал с внимательного и всестороннего изучения источников. Всякое положение, заключение или обобщение – как своих предшественников, так и свои собственные – он неизменно подвергал проверке историческими фактами. А всякий факт, предмет или явление он всегда рассматривал в исторической перспективе и связи с другими реалиями. В этом заключался подлинный *ист оризм* его научного мышления. Можно без преувеличения сказать, что Николай Дмитриевич был прирожденным ученым, обладателем редкого таланта историка. И вот из этого сочетания дара ученого с даром наставничества, учительства родилось его призвание – просветительство.

Как и А. А. Дмитриевский, Николай Дмитриевич не был «узким специалистом»: общий круг его научных интересов необычайно широк. Кроме нескольких фундаментальных трудов по происхождению и истории развития главнейших служб суточного круга богослужения (вечерни, всенощного бдения и Божественной Литургии), его наследие составляет множество статей, этюдов и очерков по практической литургии (рубрицистике) и ритуалистике, сравнительной литургии, эортологии, по основному богословию, истории церкви и экклезиологии, по исторической гимнологии и гимнографии, древней и новой истории русского церковного пения, по церковной и библейской археологии... Эти исследования опубликованы на страницах «Журнала Московской Патриархии», в сборнике «Богословские труды», а также во многих зарубежных сборниках и периодических изданиях.

Свою же докторскую диссертацию, отвергнутую кафедрой теории музыки консерватории, Николай Дмитриевич в полноценном виде и под более соответствующим названием *«История богослужебного пения Русской Церкви (до середины XVII в.)»* представил на рассмотрение Ученого совета Московской духовной академии. 10 апреля 1957 г. за этот труд ему была присвоена высшая ученая степень доктора церковной истории. Однако для огромного большинства как отечественных и зарубежных исследователей, так и для всех интересующихся историей русского церковного пения это эпохальное сочинение еще в течение восьми следующих лет оставалось недоступным.

В июне 1957 г. скорпостижно умерла Наталья Ивановна. Без малого три десятка лет она была верной спутницей, поддержкой и утешением во всех скорбях. Николай Дмитриевич был преданным и любящим супругом, и очень тяжело переживал смерть горячо любимого человека. Он лишился заботливого и надежного друга, к которому привязался всей душой, всем сердцем. Николай Дмитриевич был по природе человеком

⁸ Уржумцев П[авел], кандидат богословия. Профессор Николай Дмитриевич Успенский: К 50-летию научной деятельности// Богословские труды. М., 1975. Сб. 13. С. 19.

семейным и не любил одиночества. В вопросах быта он был совершенно беспомощен, и всех хозяйственные вопросы всегда решала Наталия Ивановна. Конечно, сестры не оставили его без помощи. Но и Господь ведал сердце Своего верного сына, и в свое время все устроил таким nepocтижимым, удивительным образом, что Николай Дмитриевич не мог не встретиться именно с той, которая до конца жизни стала его земным ангелом-хранителем...

В 1959 г. Николай Дмитриевич и Вера Георгиевна (в девичестве – Успенская) обвенчались в церкви Пресвятой Троицы, более известной под именем «Кулич и пасха». Этот брак благословил Патриарх Алексий I (Симанский), хорошо знавший протоиерея Димитрия Успенского и его семью. И Вера Георгиевна сумела создать исключительно благоприятные условия для плодотворного труда и полноценного отдыха Николая Дмитриевича. Какие бы неприятности и скорби ни случались, как бы ни сгущались тучи над его быстро поседевшей головой, он твердо знал: его новый дом – это его крепость, где с нетерпением ждут его возвращения, где он всегда найдет мир и любовь, уют и заботу, сочувствие и понимание...

С середины 50-х годов Николай Дмитриевич регулярно выезжает за рубеж по приглашениям глав европейских церквей на всемирные богословские и экуменические конференции, съезды, межконфессиональные собеседования. Он – постоянный и активный участник международных научных симпозиумов и конференций, в том числе – музыкальных.

Он – член Поместных соборов Русской Православной Церкви 1945 и 1971 гг., в 50-60-х гг. – постоянный член нескольких комиссий при Священном Синоде – Календарно-богослужебной, Комиссии по вопросам христианского единства и межцерковных связей и Комиссии по разработке тем Каталога для будущего Всеправославного Предсобора.

Решением Патриарха Алексия I с октября 1960 г. – начала издания научно-религиозного сборника «Богословские труды» – проф. Н. Д. Успенский является членом его редакционной коллегии. С середины 60-х гг. он вошел в состав редакционной коллегии международного научно-литургического журнала «Studia Liturgica», а в 1966 г. Оксфордским конгрессом Международного Комитета славистов избран членом Международной комиссии по изучению и изданию древнеславянских музыкальных памятников.

В 60-х годах произошло несколько чудесных событий в творческой жизни Николая Дмитриевича. В начале десятилетия редакция столичного издательства «Советский композитор» неожиданно предложила опубликовать его исследование о древнерусском церковном пении. Это действительно было чудом в эпоху очередной, «хрущевской» волны гонений на Церковь!.. Однако договор был заключен, и Николай Дмитриевич торопился подготовить работу к печати. В это время пришло еще одно предложение из Ленинградского издательства «Музыка» о выпуске хрестоматии древнерусских песнопений... Без устали работая, Николай Дмитриевич повторял одно: «Ты еси Бог творяй чудеса!» и непрестанно молился о благополучном завершении одного из самых главных дел всей своей жизни. И вот в 1965 г. тиражом в 2250 экземпляров вышла книга «*Древнерусское певческое искусство*», а в 1968 – тиражом в 2000 – хрестоматийное приложение «*Образцы древнерусского певческого искусства*». Но и это был не конец. За свое долготерпение и веру Николай Дмитриевич были вознаграждены вдвойне: уже в 1971 г. обе книги были переизданы, и в два с половиной раза большими тиражами! При этом

объем изданий, особенно первой книги – фундаментального исследования, ему позволили существенно расширить и дополнить новыми материалами.

Воздерживаясь от собственных оценок этого монументального труда, приведу фрагмент отзыва известного исследователя в области музыкальной славистики Ивана Алексеевича Гарднера: «Работа Н. Д. Успенского заслуживает благодарности, признания и внимания всех, кто занимается вопросами истории духовной [культуры] восточных славян... Она является незаменимым дополнением и во многих случаях – коррективом ко всем более ранним работам о русском церковном пении. Книга [содержит] хороший критический аппарат и представляет собой ценный вклад в изучение русского богослужебного пения... [Автор – не только музыковед, но одновременно и литургист, и археолог, а это – редкое совпадение.] Обычно русские музыковеды (и даже [специалисты по] *церковной музыке*) не являются литургистами, а литургисты – музыковедами. Именно поэтому труд Н. Д. Успенского заслуживает особого внимания...»⁹.

Работы проф. Н. Д. Успенского в области литургики и истории и теории русского церковного пения поставили автора в ряд крупнейших ученых мирового значения. С ним завязывают творческие контакты, его мнением интересуются, к нему обращаются за консультациями такие видные отечественные и зарубежные исследователи, как Ю. В. Келдыш, М. В. Бражников, И. А. Гарднер, О. Странк, М. Велимирович, Э. Веллеш, Г. Флорос, Э. Кошмидер, Х. Ханник и многие другие.

Но книги Николая Дмитриевича вызвали живой интерес не только у кабинетных ученых. К нему стали обращаться исполнители – руководители хоров и певческих ансамблей. Особенно восторженно благодарил специально приехавший из Москвы Александр Александрович Юрлов: «Ваши книги пробили брешь в железном занавесе музыкальной цензуры! Вы дали нам, хоровикам, счастливую возможность петь в концертах нашу русскую духовную музыку, наши красивейшие церковные песнопения!..»

Работникам обоих музыкальных издательств также понравилось сотрудничество с Николаем Дмитриевичем. С ним было работать легко и интересно. Свою часть работы он выполнял на высоком профессиональном уровне, очень добросовестно, аккуратно и своевременно. К нему как в высшей степени грамотному и энциклопедически образованному ученому часто обращались за консультацией, советом, рецензией. При этом всегда говорили, что будут рады опубликовать его новые работы. Тогда Николай Дмитриевич предложил московскому издательству заново переработанный и дополненный текст своей кандидатской диссертации а ленинградскому – следующую часть антологии песнопений русской церкви периода нового времени. Так в 1973 г. в Москве вышла его книга «*Лады русского Севера*», а в 1976 в Ленинграде – хрестоматия «*Русский хоровой концерт конца XVII – первой половины XVIII веков*».

В середине 1970-х годов квартиру на Большом проспекте Петроградской стороны неоднократно посещал Г. В. Свиридов. Он много и подробно расспрашивал Николая Дмитриевича о русской церковной музыке, о связи знаменных песнопений с народными песнями.

В 1967 г. Учебным комитетом при Священном Синоде было разработано «Положение об организации и деятельности регентского класса при духовных семинариях». После его утверждения Святейшим Патриархом Алексием I, осенью того же года при Ленинградских духовных школах также было открыто новое духовно-музыкальное учебное заведение, руководство которым было поручено профессору Н. Д. Успенскому.

⁹ Цит. по изд.: *Иванов Н., кандидат богословия. Музыковедческая деятельность профессора Н. Д. Успенского*// Богословские труды. М., 1975. Сб. 13. С. 29-30.

Программа обучения была рассчитана на три года, в течение которых учащиеся класса изучали элементарную теорию музыки, гармонию, сольфеджио, историю церковного пения, чтение хоровых партитур, хороведение, дирижирование, вокальные основы хорового пения и общий курс фортепиано. Детальная разработка учебных планов каждого предмета была осуществлена Николаем Дмитриевичем на основе типовых программ и методических рекомендаций для светских средних музыкальных учебных заведений, которые ему были хорошо известны по административно-педагогической работе в музыкальных училищах.

В сентябре того же, 1967 г., Николай Дмитриевич неожиданно получил приглашение прочесть курс лекций по истории и теории древнерусского церковного пения в Ленинградской консерватории. Особой радости он при этом не испытал: помешали сразу нахлынувшие тяжелые воспоминания о недавних преследованиях. Но приглашали настойчиво, и в конце концов он согласился, хотя и предвидел, что это не может быть надолго.

Войдя в назначенный час в знакомый четвертый подъезд своей *alma mater*, Николай Дмитриевич испытал сильное волнение. Он не спеша снял шляпу и плащ, сдал одежду в гардероб и медленно стал подниматься по парадной лестнице. Стараясь не глядеть на гипсовый бюст вождя мирового пролетариата, он смотрел на старые ступени лестницы, вспоминая годы учебы и дорогих сердцу наставников – М. Г. Климова, Х. С. Кушнарёва. Оба уже ушли *путьем всея земли*. Климов еще в 1937 году, а Кушнарёв – в 1960-м. За три дня до смерти, предчувствуя кончину, Христофор Степанович позвал именно его, своего любимого ученика... Миновав первую лестничную площадку, Николай Дмитриевич поднял глаза – и остановился... На втором марше лестницы его торжественно встречали профессора и преподаватели консерватории. Этого он никак не ожидал, и был очень тронут и искренне рад. Здесь почти все были старые знакомые... Никто не вспоминал печальные дни сентября 1954 года, но всем было ясно: эта встреча – не только признание его научных заслуг, но и просьба о прощении.

Но закончить намеченный лекционный курс не удалось. Месяц спустя вышло Постановление ЦК КПСС об идеологической работе в высших учебных заведениях. На конференции идеологических работников в Таврическом дворце основной докладчик в качестве яркого примера недальновидности в подборе педагогических кадров указал именно на приглашение Николая Дмитриевича в консерваторию. «О каком советском воспитании, о каком формировании марксистско-ленинского мировоззрения студентов в Ленинградской консерватории может идти речь, если там читает лекции Успенский, профессор духовной академии?!»

Николай Дмитриевич в это время был в Мюнхене, где принимал участие в работе Международной комиссии по изучению и изданию памятников музыкальной письменности. Когда он вернулся, его вызвали в ректорат. Говорили, что очень заинтересованы в нем как преподавателе, но его работа в консерватории в сегодняшних условиях несовместима с деятельностью в духовной академии. Поэтому ему предложили уйти из академии... Удивляясь внутренне, насколько спокойно он воспринимает все сказанное, Николай Дмитриевич поблагодарил за доверие и отказался от предложенного решения проблемы. Он снова ушел из консерватории, но на этот раз уже навсегда.

За свои 60 с лишком лет научной деятельности Николай Дмитриевич дал свыше 80 рецензий, отзывов, суждений о научных трудах в самых разных областях истории, археологии, богословия, литургики, музыки. Большой научный кругозор, широкий круг интересов, огромная эрудиция и энциклопедическая образованность профессора Н. Д.

Успенского в сочетании с добросовестностью, честностью и корректностью в изложении результатов его собственных исследований вызывали вполне заслуженное восхищение и уважение в ученом мире. Это в свою очередь формировало высокое доверие к его суждениям и оценкам, в том числе относительно трудов коллег и учеников. Разумеется, Николаю Дмитриевичу все это было хорошо известно, однако никогда не вызывало в нем симптомов «звездной болезни». Ему была органически чужда заносчивость, надменность, высокомерие. «Его доступность поражала. Он всегда находил время для других и охотно передавал свой богатый педагогический и научный опыт» – вспоминал один из преподавателей духовной семинарии¹⁰. И другие современники свидетельствуют о его удивительной скромности, готовности помочь и о неизменной *доброжелательности*. Последнее качество не так уж часто встречается в сегодняшнем научном (да и не только научном) мире, где ошибкам коллег скорее рады... Но Николай Дмитриевич был воспитан в лучших традициях старой школы, и оставался им верен до конца.

До знакомства с рецензиями профессора Н. Д. Успенского я числил этот жанр одним из самых скучных и малоинтересных. В самом деле, если меня заинтересовало название того или иного сочинения, то я скорее обращусь к самому сочинению, чем стану тратить время на чтение чьего-то мнения о нем. Тем более что многие нынешние рецензенты, встречая ошибки или промахи автора, не упускают случая изящно пнуть коллегу, щеголяя тем самым не столько своей наблюдательностью, сколько мастерством стиля. (Как говорится: *искусств ради*.) По прочтении же рецензий Николая Дмитриевича все мои представления об этом жанре научной работы в корне изменились, и я понял, как может быть важна и как нужна грамотная и, главное, *доброжелательная* рецензия.

Впрочем, это не означает, что доброта рецензента оборачивалась мягкотелостью в тех случаях, когда рецензируемое сочинение было невысокого качества, а то и вовсе ниже всякой критики. На этот счет я приведу два примера.

Первый – это надпись Николая Дмитриевича на копии отправленного отзыва: «Письмо написал, но [так], чтобы не обидеть адресата. А правда такова, что N***[имярек] взялся не за свое дело. Чтобы работать [с] русскими певческими рукописями, надо знать не только крюковую нотацию, но и целый комплекс наук: историю русской церкви, литургику и гимнографию. «Открытия» N*** поражают невежеством автора». В скобках замечу, что рецензент оказался прав: автор, о котором идет речь, так ничего существенного в области музыкальной палеографии и не создал.

Второй пример – надпись на официальном письме заведующего сектором музыки Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии с просьбой отзыва о некоей работе, посвященной «проблемам архетипов в византийской музыке». Рукой Николая Дмитриевича написано следующее: «Отзыва не давал: отрицательного не хотел писать, положительного не мог. Н.У.».

А вот письмо научного редактора московского отделения издательства «Музыка» Д. Фришман о рецензии Н. Д. Успенского на книгу С. С. Скребкова «Русская хоровая музыка XVII–начала XVIII веков». «Глубокоуважаемый Николай Дмитриевич! Хочу искренне поблагодарить Вас за великолепную, полную для всех нас «объективного» интереса рецензию. Не часто приходится видеть столь глубокий, многосторонний, насыщенный неуязвимой аргументацией и фактологически совершенный критический анализ. Познавательное значение Вашей рецензии, на мой взгляд, много выше иных

¹⁰ Бронский В. Профессор Н. Д. Успенский: Некролог// Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 3. С. 24.

законченных пространных теоретических трудов. Еще раз – большое спасибо!» Все сказанное в полной мере можно отнести к любой рецензии Николая Дмитриевича.

Его отзывы на три большие работы М. В. Бражникова¹¹ – одни из самых обстоятельных. В них с замечательной полнотой проявляются не только грамотность, объективность и корректность рецензента, но и то, что «подороже будет» – доброжелательность, помощь и дружеская поддержка.

А поддержка была крайне необходима. Ведь оба они – и Максим Викторович, и Николай Дмитриевич занимались изучением *церковного пения*, то есть *культ ового искусства ва*, и необходимость исследовательской работы в этом направлении в то время приходилось доказывать, и доказывать убедительно, приводя весомые и неоспоримые аргументы. В связи с этим на многолетний фундаментальный труд М. В. Бражникова «Лица и фиты знаменного роспева» Николай Дмитриевич начинает с постановки кардинального вопроса: «нужно ли для советского музыкознания изучение [древней] культовой музыки, не звучащей сегодня ни в концертном зале, ни в самом богослужении..., и если нужно, то почему?» И далее на 9 страницах он неспешно и основательно, приводя яркие исторические примеры и ссылаясь на авторитетных ученых мужей, доказывает казалось бы очевидные истины: во-первых, о необходимости изучения древнерусской церковно-певческой культуры, а во-вторых, обосновывает правильность выбора М. В. Бражниковым предмета исследования. Далее, отметив в целом неоспоримые достоинства труда, он указывает один существенный недостаток: «*изучение русского церковного пения без учет а специфики богослужения*». Сегодня может показаться, что это упрек. Но в те годы это была еще одна попытка отвоевать право научной работы в смежной области, т. е. в литургике.

Следующий положительный момент – высокая степень информативности отзывов Николая Дмитриевича. Обсуждая то или иное положение рецензируемых работ, он либо восполняет отсутствующую важную информацию (особенно это относится к историческим фактам и литургическим реалиям), либо существенно дополняет ее на основании собственных наблюдений при изучении источников. Тем самым он оказывает значительную помощь автору, предлагая в одних случаях новые аргументы для упрочения фундамента научной позиции, в других – коррективы и уточнения в авторской концепции.

Не упускает Николай Дмитриевич случая поддержать и ободрить коллегу. Так на с. 59 он подвергает критике одно высказывание М. В. Бражникова, которое может быть воспринято как неуверенность в результатах своего труда. «...Непродуманным можно назвать заявление Максима Викторовича..., что он «не желает никому навязывать свою точку зрения на то, как следует понимать и исполнять фитное пение». Кто из советских музыковедов – *продолж ает Николай Дмит риевич* – так глубоко исследовал фитное пение, как М. В. Бражников? Поэтому непонятно, как исследователь, отдавший всю жизнь своему делу, может говорить, что он никому не навязывает своей точки зрения? Рецензенту кажется, что Максим Викторович должен отстаивать и защищать свою точку зрения как результат своих многолетних трудов, проводить ее в сознание интересующихся этой областью людей и не допускать здесь даже тени индифферентизма».

И в заключении отзыва (с. 67-68) Николай Дмитриевич утверждает следующее: «Научно-исследовательский институт театра и музыки в лице М. В. Бражникова имеет крупнейшего специалиста в области русской певческой палеографии, обладающего редким опытом в деле расшифровки певческих рукописей. Институт должен поставить

¹¹ Отдел рукописей РНБ, фонд 1147.

перед М. В. Бражниковым задачу составления добротного руководства по русской певческой палеографии, с тем чтобы эта для многих музыковедов таинственная область оказалась доступной; чтобы исследование певческих памятников и их расшифровка продолжались и в дальнейшем, и в большем объеме, чем до сих пор; чтобы тот опыт, который приобрел М. В. Бражников десятками лет работы над рукописями, не погиб для советского музыкознания, а был бы использован последующими поколениями музыковедов».

Два других отзыва – на подготовленный Максимом Викторовичем к публикации «Благовещенский кондакарь» и на книгу «Федор Крестьянин – русский распевщик» – меньшего объема, но не меньшей весомости, обстоятельности и подробности. Насколько мне удалось выяснить по текстам опубликованных работ, Максим Викторович учел практически все, предложенные Николаем Дмитриевичем дополнения, исправил отмеченные им недочеты и прислушался ко многим его пожеланиям. Таким образом и здесь их общими усилиями постепенно, но верно достигалась важная цель: у советского музыкознания отвоевывалось пространство для научно-исследовательской, издательской, учебно-образовательной и просветительской деятельности в области древнерусского церковного пения.

С 1960 г. каждое лето семья Успенских проводила на даче в поселке Шапки. Николай Дмитриевич очень любил природу. Особенно цветы и деревья. Цветами занималась Вера Георгиевна, а Николай Дмитриевич ухаживал за яблонями. Но первым делом на дачу он брал свой главный рабочий инструмент – старенькую пишущую машинку модели «Continental», предпочитая в последние десятилетия не писать, а печатать, затем править машинописный текст. Вот и летом 1978 г. на даче он заканчивал свою большую историческую работу о Крещении Руси. Работал до последнего дня и часа отъезда в конце сентября. В суете сборов папку с работой он забыл на столе, и обнаружил это уже в городе. Когда же через несколько дней Вера Георгиевна за ней приехала, то выяснилось, что дом ограблен, а листы машинописи воры использовали для освещения: ведь хозяйка, уезжая, электричество отключили...

Гибель многолетнего труда сильно подорвала здоровье Николая Дмитриевича. От переживаний о невосполнимой потере обострилась ишемическая болезнь сердца. В течение двух следующих лет он не писал научных работ. Последним его большим трудом стало фундаментальное исследование о византийской Литургии, созданное в начале 80-х годов.

Лето 1987 г. Николай Дмитриевич, несмотря на частые приступы болезни, также решил провести на даче. Перед отъездом, в мае, он соборовался и причастился Святых Христовых Таин. Но в первых числах июля его состояние резко ухудшилось, и пришлось срочно возвращаться в город. 22 июля поздно вечером он в последний раз причастился, а в ночь на 23 июля тихо и мирно скончался.

Погребен Николай Дмитриевич Успенский на Серафимовском кладбище, рядом с храмом преп. Серафима Саровского.

Апрель 2000 г.